

ГАБОР Б. СЕКЕЙ (Печ)

ОБ АНАЛИЗЕ НЕКОТОРЫХ ОБСКО-УГОРСКИХ ПАДЕЖНЫХ СИНТАГМ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В статье анализируется ряд локативных синтагм в обско-угорских языках, а именно — те из них, что выражены конструкциями, содержащими суффикс локатива или инструментала. В связи с этим речь идет о страдательных и эргативных конструкциях, а также о конструкциях с именным сказуемым, имеющим в своем составе локативный суффикс. Автор пользуется сравнительно-историческим методом синтаксического анализа.

1. Локатив и инструменталь-комитатив

Прежде всего рассмотрим обстоятельственные конструкции локативного значения в обоих языках, затем в историческом аспекте проанализируем тесно связанные с ними по значению и, очевидно, по фонетической форме конструкции, содержащие суффиксы инструментала и комитатива.

Суффикс локатива в мансийских диалектах: So *tV*, *t* (K 53; M 7), Sy *tV*, *t* (K 53; WT 29), LO *tV*, *t* (K 52), LM *tV*, *t* (K 50; M 105), LU *tV*, *t* (K 49, M 157), P *tV*, *t* (K 49, M 234), P *tē* (Honti 1980 : 211), VN *tV* (K 49), VS *tV* (K 49), KO *tVt*, (K 47—48; M 192), KM *tV*, *t* (K 47—48; M 192), KU *tV*, *t* (K 47—48; M 192), Jk *t* (WT 29), TC *tV*, *t* (K 45; M 261) TJ *tV* (K 45), T *tä* (Honti 1975 : 82); N *witχul witt öli*, *wöruj wört öli* 'водная рыба в воде живет, лесной зверь в лесу живет' (PCM 13), LM *tä jörén khwäšä möt öli* 'этот северный манси живет на далекой земле' (МК 110a), K *jänäj härnäj turt pät wuji* 'на большом красивом озере утка плавает' (Кузакова 1989 : 250), T *täul' täut-rèité ilsäkhujus* 'кожа на жару обожглась' (M 261).

Этот суффикс имеет финно-угорское происхождение: праф.-у. **t*. (Об этом см.: BUNy 121—122; USL 220, 227; Berrár 1957 : 28, но FgrSprw 73; NyH 130; CompGr 296; Kulonen 1993 : 79—80. По мнению Кулонен, прибалтийско-финско-пермский *-*tA* может быть связан с сепаративом и партитивом, но см. также Liimola 1963 : 53—60; Майтинская 1974 : 250—253; Kálmán 1988 : 407; Riese 1992 : 387, другие реконструкции см. Майтинская 1974 : 252—253; 1979 : 93—94). Интересно, что только в мансийском языке суффикс употребляется в своем исконном значении (Лако не упоминает о нем как о самостоятельном суффиксе, Lakó 1991 : 23), в остальных же родственных языках он

вытеснен на периферию, об употреблении см. Веке 1905 : 5—15; MPC 18; ЧМЯ 175; РМЯ 49; РСМ 23; БС 34—35. Тавдийские (диалект мансийского языка) гласные варианты суффикса, и остальные, как правило, с гласным на конце позволяют сделать вывод о том, что этот гласный представляет собой звук, сохраняющий какую-то древнюю функцию с локативным значением: праманс. *tVt, и утрата морфемой конечного звука дала современную редко встречающуюся форму с гласным при более распространенной форме с согласным на конце. Таким фонетическим развитием, например, объясняет К. Редей отличие мансийских форм притяжательного суффикса 3-го лица единственного числа *te*, *e* (конечный гласный превратился в функциональный звук) (Rédei 1988).

По нашему предположению, здесь имеет место усиленная древнеобско-угорская форма локатива (поскольку сюда можно отнести и подлежащий ниже рассмотрению южно- и восточнохантыйский инструменталь), и тем самым нельзя утверждать, что древний суффикс локатива сохранился неизменным в мансийском языке, совпадение в данном случае вторично. На основе изложенного можно реконструировать следующую форму древнемансийской обстоятельственной синтагмы локативного значения:

праф.-у. *Nt V >> праманс. *NtVt V.

Далее покажем, что мансийский инструменталь исторически связан своим происхождением не с угорским суффиксом аблатива, как обычно полагают, а с локативным суффиксом уральского периода.

Выводимый из локативной сферы инструменталь в мансийских диалектах имеет показатели: So Vl, l (K 99; M 9), Sy Vl, l (WT 29), LO l (K 99), LM l (K 99; M 106), LU l (K 99; M 157), P l, л (K 99; M 235), VN л (K 99), VS l (K 99), KO Vl, l (K 99; M 193), KM l (K 99), KU Vl (K 99), Jk Vl, l (WT 29), Tĉ Vl (K 99; M 263), TJ Vl (K 99), T əl (Honti 1975 : 84), N *tuji xāpəl jalasēw, tēli sunəl jalasēw* 'летом (мы) передвигаемся на лодках, зимой на санях' (PCM 11), P *t'i jū tāləl läp-puyim* 'этих дров сажень охвачу' (МК 620b), K *ēkə torəl hoshaj* 'старуха машет платком' (Кузакова 1989 : 251), TJ *kāpə-л minäntem* 'еду на лодке' (K 99) (об употреблении см. Веке 1905 : 50—62; MPC 18—19; ЧМЯ 176; РМЯ 51—54; БС 39—40).

Данный мансийский суффикс, по нашему мнению, репрезентирует уральский локативный суффикс *l; к такому предположению подтолкнула нас противоречивость ранее предложенных подходов. Довольно трудно связать значение суффикса аблатива-сепаратива, передающего удаление, с суффиксом статического, скорее локативного значения, каковым является суффикс инструменталю. В предложениях P *khäləl khwājti* (МК 96b), K *khöləl khojti* 'жаром болен' слово *khäl, khol* 'жар' имеет форму инструменталю — 'жаром' и тем самым фразу можно понять как 'в жару болен', по крайней мере скорее, чем 'из/от жары болен' — т.е. в значении удаления, причины.

Обычно используемый в финно-пермских языках для передачи аблатива-элатива-сепаратива, но встречающийся и в самодийских языках, а потому считающийся уральским по происхождению суффикс реконструируется как праур. *ta/tä (BUNy 62; Майтинская 1979 : 93—94; Janhunen 1982 : 30). Праур. *tə (USL 220), но Синнеи, не упоминая самодийских данных, относит его возникновение к финно-угорскому периоду и приводит в форме -t ~ -δ (FgrSprw 65). Возможно, следует пересмотреть формирование уже реконструированного суффикса (праур. *tA), поскольку предлагаемое аблативное значение может оказаться вторичным. В угорских же языках морфема, имеющая звуковой облик l, передает значение аблатива-элатива-сепаратива (BUNy

122—123; A. Kövesi 1966 : 228; Kálman 1988 : 407; Berrár 1957 : 29). Из аблатива выводит мансийский инструменталь и Месёи (Mészöly 1933).

Анализируемый падежный суффикс имеет значение инструментала, что можно связать скорее с локативным значением, чем с семантическим кругом, служащим для передачи удаления. Аблативным считают значение суффикса Лиймола (Liimola 1963 : 99—101) и, ссылаясь на него, Гуя (Gulya 1976 : 282). По мнению Ризе (Riese 1992 : 383), в древнемансийском языке суффикс *l* имел два значения — аблатива и инструментала, на предыдущей странице в связи с ранним древнемансийским языком он пишет о двойственности значения суффикса локатива-инструментала **-t*, а также аблатива-инструментала **-l*.

Однако сомнения вызывают такое противоречие, как один фонетический облик — два значения, а также определение времени возникновения суффикса (Коллиндер сомневает в том, что мансийский суффикс инструментала *l* и венгерский суффикс эссива *ul, ül* идентичны с праф.-у. **-ta* (CompGr 288). Возможно, он полагает оба суффикса не аблативными по происхождению, о чем пишет и автор в данной статье). Учитывая некоторые ранее высказанные мнения. Хайду не исключает связи падежного суффикса *l* с прибалтийско-финско-пермскими суффиксами (BUNy 122), но ссылаясь на Хяккинен (Häkkinen 1983 : 75—77). Алвре считает, что мы имеем здесь дело с древним уральским суффиксом локатива. Это подтверждают и прибалтийско-финские, марийские и пермские, селькупские, камасинские и другие, содержащие элемент *l* сложные суффиксы (Alvre 1986): пбф. **-len, *-lna, *-lta*, мар. *-lan* (датив), коми *-lj* (датив), *-lgn, -ljś* (генитив), удм. *-lj* (датив), *-len* (генитив), *-leś* (аблатив), сельк. *-lä* (латив), *-wlä* (транслатив-эссив). В связи с венгерскими данными он также ссылается на предшествующие работы, то же относится к обско-угорским примерам. По нашему мнению, об *l* венгерских падежных суффиксов и мансийском суффиксе инструментала-комитатива можно смелее говорить как о соответствии уральскому локативу **l*.

Сомнения по поводу угорского суффикса аблатива высказывал и Серебренников, главным образом из-за семантических затруднений. Он предположил наличие названного им экстралокативом суффикса в уральском праязыке, причем такого мнения придерживался и раньше, когда называл данный суффиксальный элемент суперэссивом (Финно-волжская языковая общность 1989 : 160).

В мансийском языке суффикс имеет инструментальное значение, исторически его следует возвести к уральскому суффиксу локатива **l*, а не к суффиксу аблативного значения. Это положение признает верным Кулонен, хотя ее мнение и не столь однозначно (Kulonen 1993 : 18—19, 80—81). Несколько сложнее объясняет это противоречие Корхонен, который на базе венг. *-nál/-nél, -val/-vel*, манс. *-l, -tol* предполагает некий суффикс пролокативного значения для периода угорской общности и не считает возможным аблативное происхождение суффикса, скорее подразумевает нейтрализацию двух функций угорского периода с последовавшим затем новым обособлением их (Korhonen 1991 : 172). Можно добавить, что *l* в составе упомянутых венгерских суффиксов играет локативную роль (тот же суффикс, по нашему мнению, встречается после основы прауральского вопросительного местоимения в венгерском вопросительном местоимении *ho-l*, но и, например, в суффиксах *-ul, -ül: magyarul* 'по-венгерски', или в конструкциях, обозначающих два времени года — *tavasszal* 'весной', *ősszel* 'осенью' (Székely 1994)), а не аблативную, как это считалось (в самое последнее время, например,

Коготрау 1991 : 288, 297—298). Древнемансийская синтагма инструментального значения имеет следующий вид:

праур. *Nl V >> праманс. *Nl V

и, как показано выше, свидетельствует о древнем мансийско-венгерском контакте; тем самым конструкцию можно отнести и ко времени угорской общности.

Падежный суффикс инструментально-комитативного значения в мансийском языке имеет более длинный вариант, который главным образом присоединяется к лично-притяжательным показателям, но встречается и после числовых показателей: So *tVl, tl, t* (K 105; M 8), Sy *tVl* (WT 31), LO *tl* (*tVl*) (K 105), LM *tl, tV, t* (K 104; M 106), LU *tl, tV* (K 104; M 157), P *tl* (*tVl*), *tVl* (K 104), VN *tl* (*tVl*) (K 104), VŠ -, KO *tVl, tl* (K 104), KM *tVl, tl* (K 104), KU *tVl, tl* (K 104), Jk *tVl* (WT 31), TC *t* (K 104), TJ *t* (K 104) (о его роли см. MPC 19; ЧМЯ 176; РМЯ 51—54): N *wāškōjka ēkwatētəl saraṅpāwəln minasjy* 'Василий с женой поехал в Саранпаул' (PCM 11); K *vuj tāulätəl vālkhi* 'птица взмахнула крылом' (МК 715b); TJ *em lōmt miṅi* 'на моей лошади едет' (K 105).

Варианты суффикса *-təl, -ta, -t* представляют собой преобразования прамансийского окончания **tVl*, и элемент *t* суффикса идентичен с *t* локатива, а *l* — суффикс реконструированного выше локатива, значит, и в этом случае мы можем констатировать появление суффиксов — одного за другим. Мы не согласны с Беке, который по поводу происхождения суффикса отождествляет его элемент *t* с притяжательным суффиксом 3-го лица единственного числа (Беке 1910 : 179). Различные точки зрения, высказанные о происхождении рассматриваемого суффикса, подытожил Лиймола (Liimola 1963 : 111—118). Краткие, весьма интересные, но лишенные каких-либо доказательств соображения, связанные с данной темой, содержит статья Терешкина: автор ее считает, что к суффиксу локатива *t* присоединяется коаффикс *əl* (Терешкин 1974). С учетом наших рассуждений предлагается следующая реконструкция:

праф.-уг. *Nt V и

праур. *Nl V >> праманс. *NtVl V.

Таким же образом можно проанализировать суффикс комитатива в тавгийском диалекте мансийского языка: TČ *nVt* (K 120; M 263), TJ *nVt* (K 120), T *khāl tārcikinet noj mēnēmētəs* 'березу вместе с корнем поднял' (M 263); TČ *jīb tāmarənet nō-njāntōs* 'дерево с корнем вытащили' (K 120).

Появление этого суффикса тоже объясняется нагромождением суффиксов (Майтинская 1974 : 249, 250, но позже иначе: Майтинская 1979 : 108—109) и исторически его можно соотнести с хантыйским суффиксом инструментально-комитатива. Такого же мнения придерживается Терешкин, который в связи с вах-васюганским суффиксом инструментально-утверждает, что это соединение хантыйского локатива на *-n* и хантыйского локатива на *-a*, более длинную же форму можно идентифицировать с формой, дополненной суффиксом мансийского локатива на *-t* (Терешкин 1974 : 74). Противоположное этому мнению первым высказал Фокош-Фукс, который считал, что речь здесь идет о когда-то самостоятельном слове (Fokos 1910 : 11, позже Liimola 1963 : 91—95, и, наконец, Riese 1992 : 381). Мы предлагаем такую реконструкцию древнеманс. **nVt* (Honti 1985 : 238), в которой *n* — суффикс локатива и *t* — тоже суффикс локатива, по Беке (Беке 1905 : 62):

праоб.-уг. *NnVt V.

Сопоставительный же анализ ведет к объяснению происхождения хантыйского суффикса локатива. Для выражения локативного значения в хан-

тыйских диалектах употребляются следующие суффиксальные варианты: *N na, n, nə* (VOP 235), *O nV* (KV 330), *Syn Vn, n* (OA I 39), *Miži Vn, n* (RÉO 12), *Kaz n* (KV 308), *Ser nV* (OA I 214), *NS na, n* (VOP 233), *Ni nV* (KV 299), *S na, ne, nə* (VOP 237), *Ko nV* (PV 13), *Kr nV* (KV 65), *C nε* (KV 44), *DT nV* (KV 30), *DN nV* (KV 1), *Irt-P nV* (PF 53), *Sal nV* (SzH 111), *Sur nV* (SH 274), *J nV, n* (PV 70; VOP 238), *Trj nV* (KV 207; VOP 238), *V nV, (ə)n* (KV 102; VOP 240; GMR 240—241; ТОД 48—39; Schiefer 1977), *Vj nV, (ə)n* (KV 149; VOP 240), *O luw xapna ämtas* 'он в лодке сидел' (Русская 260); *Kaz jöxan töm peləknə wos gmsəs* 'на той стороне реки город был' (OA IV 29); *Sav täwətmət tornə xütəm pöxər ömäs* 'в седьмом озере было три острова' (KV I 146); *J äläjnə ma keňaryə wäläm* 'вначале я бедным был' (СВД 28); *Vj imүн jə'kən təy katnə wälləyən* 'женщина и мужчина в землянке живут' (OA III 563).

Как древнехантыйскую форму Хонти реконструирует *na/nä* (ChO 60), фоном для нее является прауральская форма **na/nä* (FgrSprw 63—64; NyH 129; CompGr 286; BUNy 62, 120; Майтинская 1974 : 247; Kulonen 1993 : 81). Тем самым древнехантыйская синтагма локативного значения может иметь следующую реконструкцию:

праур. **NnV V* >> праоб. **NnV V*.

В этом случае тоже можно полагать, что гласный сохраняет в себе падежный суффикс в его деформированной форме, вероятно, все это было характерно уже для обско-угорской общности, мы можем предполагать праобско-угорский локатив с **nVt*, к которому восходят хантыйский локатив и встречающиеся на периферии мансийские формы (Liimola 1963 : 131—145); на основе этого:

праоб.-уг. **NnVt V*.

Этот суффикс в севернохантыйских говорах наряду с местом и временем стал выражать средство и сопутствие (Kara 1911—1912 : 31—33; Хватай-Муха 1954), тогда как в южных и восточных говорах для передачи средства на его базе сложился особый суффикс (ChO 62—63): *O na* (KV 330), *Miži n* (RÉO 13), *Kaz n* (KV 309), *Irt-C na* (Castrén 27), *S nat* (VOP 237), *Irt-P nat* (PF 61), *Sal -, (nat, ChO 60)*, *Sur nat* (SH 274; VOP 238), *J nat* (PV 71), *Trj nat* (KV 207), *V nat(i)* (KV 102; GMR 239; ТОД 51—52), *Vj na(t)* (KV 149): *O xapjux lajəmna sewərlem* 'березу топором рублю' (Русская 261); *Kaz ma wulinə mansəm* 'я на олене ехал' (OA IV 29); *KO owəsnə muŋ wutənə jaχtuw* 'на севере мы на оленях ездим' (ТХЯ 326); *Irt-C imena udet* 'он у женщины живет' (Castrén 27); *P mə nōŋat siŋərnat nāyka jōrləm* 'я тебя цепью к лиственнице привяжу' (HP 224); *Vj əpjlna wonta pots* 'он с отцом в лес пошел' (OA III 564).

Этот суффикс только в восточных и иртышском диалектах встречается как самостоятельный, в севернохантыйских диалектах конструкции с обстоятельством средства сохранили суффикс инструменталья, как показывает сопоставление этих конструкций. На основе изложенного предполагаемая праобско-угорская конструкция со значением средства действия, совпадающая с реконструируемой локативной конструкцией, имеет следующий вид:

праоб.-уг. **NnVt V*,

сюда относятся хантыйские иртышский, восточный инструменталь, севернохантыйский локатив (по происхождению инструменталь) и мансийский тавдийский комитатив.

В южном, салимском и сургутском хантыйских диалектах употребляет-ся и другой суффикс инструменталья: *Ko at* (PV 13), *Kr at* (KV 65), *C at* (KV 44), *DT at* (KV 31), *DN at* (KV 1), *Irt-P at* (PF 58), *Sal at* (SzH 111), *Sur at* (SH

274), *J at* (PV 71), *J at, jät, yat* (VOP 238), *Trj. at* (KV 207), *Trj. at, jat, yat* (VOP 238): *Sav nēṅatāt utta tā jāwūṅ* 'с женой вдвоем жили-поживали' (KV I 141); *Trj jāmat wāl* 'он хорошо живет' (KV 251); *J ma pečkanam wōjat nirim* 'я ружье мое жиром смазал' (СВД 287).

Для древнехантыйского языка можно реконструировать праобско-угорскую форму **at/*āt* (ChO 60). По мнению Месёи, *t* — это суффикс локатива, предшествующий же ему гласный по происхождению представляет собой гласный окончания основы (Mészöly 1930 : 78). Для праобско-угорского языка реконструируем форму

праф.-у. **Nt V* >> праоб.-уг. **Nvt V*.

В вахском и васюганском диалектах в подобной роли встречаются суффиксы *V a, tā* (KV 104; VOP 240; GMR 237; ТОД 52—54) *Vj ə, tā* (KV 149; VOP 240): *V lōy mānt nōyitā mās* 'он мне мясо дал' (ТОД 53); *Vj jāṅka jāwatsatā* 'водой (водкой) я одарил' (ОА III 563).

Мнения о роли вахского, васюганского суффикса *tā/tə, ə/ə* существенно различаются между собой. Вертеш считает, что это форма выражения объекта (Vértés 1959 : 486—490; VOP 240; у Терешкина: творительно-объектный падеж — ТОД 52). Исходя из этого, Кёвеши считает его аблативом по происхождению (Kövesi 1966 : 231). Лиймола после обстоятельного анализа приходит к выводу, что рассматриваемый суффикс — инструменталь-комитатив (Liimola 1971 : 24); Гуя называет его медиативом-инструменталем (Gulya 1976 : 306; GMR 237: медитатив). А Хонти анализирует его как суффикс инструментал-финалиса (ChO 63, 96). Фонетическая форма суффикса свидетельствует о связи его с суффиксом *Vt* восточно- и южнохантыйских диалектов, они выполняют одну и ту же роль, поэтому реконструируем его в форме

праф.-у. **Nt N* >> прахант. **NtVt V*,

в которой *t* — суффикс локатива (так думает и Терешкин, не считая возможным объяснить редуцированный элемент на обско-угорской почве — Терешкин 1974 : 73), второй же *t* еще раз усиливает локатив, отсюда **tVt > tā* и сокращение **-Vt > ə* могло дать современные формы (Liimola 1971 : 19).

Сравнительно-исторический анализ позволяет показать, что рассматриваемые формы при употреблении с т.н. трехаргументными глаголами создают своеобразные обско-угорские конструкции. К подробному обоснованию сказанного мы еще вернемся, однако уже здесь отметим, что манс. *l, tāl* — суффиксы инструментал; севернохант. *nV*, южн., вост. *at, вах., вас. tā/tə, ə/ə*, согласно показанной их синтагматической роли, взаимосвязаны, и проведенный нами исторический анализ свидетельствует не только о древности конструкции, но и о взаимосвязанности суффиксов синтагмы (Кулонен говорит только о синтагматической взаимосвязи, Kulonen 1990).

На основе вышесказанного можно сделать вывод: обско-угорские синтагмы локативного и инструментального значения в историческом плане свидетельствуют о сходстве между собой. Существование в угорский период в неизменной форме, раздвоение или присоединение прафинно-угорских локативных суффиксов **t, *l* привело к появлению разнообразия обско-угорских, а позже мансийских и хантыйских современных форм.

2. Страдательная конструкция

В обско-угорских языках довольно часто встречаются т.н. страдательные конструкции, суть которых большинство исследователей видит в том, что

тогда как в активном предложении агенс выполняет роль подлежащего, в предложении страдательной конструкции эта роль принадлежит пациенсу. Истинного же действителя передает форма, снабженная падежной морфемой. К тому же конструкция имеет явно выраженный морфологический показатель, на основе чего некоторые исследователи говорят о страдательном спряжении. По нашему же мнению, здесь правильнее говорить о спряжении глагола, образованного с помощью определенной морфемы.

Относительно данной конструкции существуют и такие мнения, что использование противопоставления актив — пассив в качестве главного критерия не обязательно приведет к пониманию рассматриваемого явления. Первой эту точку зрения высказала Ромбандеева, которая судит о конструкции с уверенностью человека, владеющего анализируемым языком как своим родным. Она считает, что пассивное предложение — это вариант предложения с активным объектом, в котором не обозначенная форма — это прямое дополнение, а обозначенная — подлежащее (Ромбандеева 1967, но и Черемисина, Ковган 1989). Этот подход вызвал неприятие в среде специалистов. Комри считает неприемлемым анализ с точки зрения объекта, поскольку согласование происходит с подлежащим (Comrie 1975). Хонти тоже не приемлет такого анализа и считает более верным употребление терминов агенс и пациенс, а снабженный суффиксом агенс таким образом будет в предложении обстоятельством (Honti 1971). Несмотря на все это возможно, что с привлечением таких понятийных пар, как определенность / неопределенность, выделение (фокус) / оттеснение на задний план (топик) или маркированность / немаркированность (соответственно применяемой разными лингвистическими школами терминологии), мы переведем анализ на иной, скорее синтаксический уровень.

Последней к этому кругу вопросов обратилась Кулонен (Kulonen 1989), которая, используя общелингвистическую методику функциональной грамматики, показывает, что эта конструкция в обско-угорских языках объяснима на базе семантики с привлечением понятийного круга т.н. смены перспектив (Kulonen 1985). С ее анализом мы в общих чертах согласны. Мы тоже считаем, что мансийский маркер агенса снабжен суффиксом локатива (Kulonen 1989 : 48), поэтому и суффикс эргатива тот же (Kulonen 1989 : 47), но в двух пунктах мы ее мнения не разделяем. Маркер мансийского агенса не идентичен суффиксу латива, хотя в склонении существительного и играет такую роль. В конструкции предложения он ответствен за сохранение суффикса локатива-инструментала, происхождение суффикса страдательного глагола в обоих языках одинаково, кроме того, мы считаем его не древним притяжательным суффиксом, а суффиксом транслатива — в обоих языках (Kulonen 1989 : 51—55).

Представленный краткий обзор дополним следующим рассуждением общего порядка. В большинстве языков мира группу существительного при анализе ее семантической роли кодируют как агенс и пациенс, а при рассмотрении выполнения ею основных грамматических функций используются понятия подлежащее, прямое дополнение и косвенное дополнение; все эти роли можно выразить с помощью частиц, предлогов, послелогов и падежных суффиксов (Andrews 1985 : 72). Что касается обско-угорских языков, то существительное в позиции подлежащего в них не маркировано, дополнение может быть как маркировано, так и не маркировано — в разных мансийских диалектах, в хантыйском языке только личные местоимения, выражающие прямое дополнение, имеют суффиксы. Для косвенного дополнения исполь-

зуются суффикс латива-дativa или послелог. Если же посмотреть на вопрос с семантической (агенса — пациенс) или скорее даже с прагматической (выделение — отнесение) точки зрения, можно подойти и к сути страдательной синтагмы, а также к кругу вопросов, связанных с эргативными конструкциями в восточнохантыйском.

Самую полную синтаксическую конструкцию представляют предложения, состоящие из трех слов: существительное, второе существительное, снабженное связанной морфемой типа флективного суффикса, и глагол (в большинстве своем переходный). Остальные конструкционные группы образуют те случаи, когда при обязательном наличии глагола отсутствует одно из существительных или же отсутствуют оба существительных. Примеры: *N xaslin tēlawē* 'болото зарастает' (МК 86а); *P šāmām pašēmna kwašértāwei* 'мои глаза жжет дым' (М 250); *LM jā sajtel oārau* 'река перегорожена запрудами' (МК 48а); *K jiw wotnā pātwas* 'дерево уронено ветром' (Кузакова 1989 : 249); *T pom sailnā il-ālus* 'траву уничтожил мороз' (М 262); *O soldat iki wājamsa* 'солдаты старика усыпили' (ОА III 532); *Kaz nōxi ampna lesi* 'мясо собака съела' (ОА I 29); *Sav jājz xott's joxtājən nārz nōxž tētš jarnztz* 'откуда напали на тебя сыромясоеды-самоеды' (KV I 143); *J ma lāwam liwvna lilmī* 'лошадь мою он оседлал' (СВД 209); *V sem pōrkjēnā lili* 'глаза дым ест' (СВД 378); *Vj kannā kāsšj waylī* 'царь приказывает позвать человека' (НК 129).

Представляется, что рассматриваемый тип конструкции предложения имеет в обско-угорских языках общее происхождение и это подтверждают те явления, которые, с одной стороны, связаны с фонетической идентичностью маркера агенса, с другой, обусловлены сходством страдательного суффикса глагола. Маркер агенса в страдательном предложении — морфема *-n*, *-nV*, *-V*. В склонении мансийского и хантыйского существительного она представляет собой суффикс, выполняющий две разные функции: в мансийском — выражение лативного направления в роли обстоятельства (сначала Беке со ссылкой на Мункачи (М 106) считал его сокращенной формой суффикса аблатива *-nēl*. Беке 1905 : 2; позже — суффиксом латива, Беке 1915 : 9), в хантыйском — локатива в той же позиции (Кара выводит его из значения обстоятельства средства — Кара 1911—1912 : 38). Учитывая, что уральские языки довольно последовательно маркируют пространственные отношения, не может быть и речи о том, чтобы в страдательных конструкциях тоже употреблялись эти выполняющие разные роли суффиксы. Кажется маловероятным, что руководствуясь сходством падежного суффикса, одну и ту же конструкцию предложения можно описать с помощью суффиксов с разным значением. Скорее дело в том, что на основе сходства конструкций сходство суффиксов свидетельствует об их общем происхождении.

Можно предположить, что из двух обско-угорских языков в хантыйском значение суффикса самостоятельное, исконное — локативно-комитативное. Его связь с мансийским падежным суффиксом слова, выполняющего роль агенса, мы склонны считать случайным совпадением, возникшим в результате исторического развития. Более того, можно даже предположить, что в мансийском языке для маркировки падежной синтагмы используется суффикс латива, а для передачи страдательной конструкции распространение получил суффикс локатива, и именно это служит различием между двумя конструкциями. В праобско-угорском суффикс имел, предположительно, форму **nVt*, от нее образовался, пройдя в ходе развития через форму хант., манс. *nV*, *-n* — современный маркер этой конструкции.

По мнению Беке, Кара не прав в отношении происхождения инструмен-

тая, поскольку в южнохантыйском употребляется иной суффикс (как он считает, суффикс аблатива направления *at, l*) для выражения обстоятельственного средства (Beke 1915 : 9). По нашему мнению, однако, целесообразно акцептировать точку зрения Кара, учитывая следующие соображения. Южнохантыйский и мансийский суффиксы имеют не аблативное, а скорее локативно-комитативное значение, как показано в данной работе. Те страдательные конструкции предложений, что содержат инструменталь: N *Numi-Tārem jāyēmēnnē p̄yēl majwäsēmēn* 'Нуми-Торем по нашей просьбе наш отец сыну подарил' (VNGyI 137); N *tōromnā nōm̄isna masajem* 'istentól ésszel adattam' (NO 25) (Беке, например: Beke 1915 : 9), мы не так анализируем, как делает это Беке, который пишет: "'istentól ésszel adattam', ami teljes lehetetlenség". Хотя формально предложение содержит два инструменталья, один из них трактуется как подлежащее: 'бог разумом наделил меня, бог разум дал мне'.

На основе изложенного мы можем реконструировать праобско-угорские страдательные конструкции предложений в следующем виде:

праоб.-уг. N NnVt TVkVk.

3. Хантыйская эргативная конструкция

Далее излагаются некоторые соображения в связи с историческим анализом хантыйских предложений с эргативной конструкцией. В восточнохантыйских говорах подлежащее в некоторых предложениях с дополнением маркируется с помощью морфемы: Tɾj *l̄əȳn̄z ma w̄ələm w̄at̄əyt̄ət̄əy* 'он напоил моего оленя' (КТ 256b); Ag *kul̄əym̄n̄ə j̄əm̄nam l̄el̄əȳlt̄əy* 'мой внук хорошо обманулся' (СВД 232); V *m̄änn̄ə sem̄əyl̄äm̄ k̄ō̄ns̄əm̄* 'я глазом мигнул' (СВД 182); Vj *k̄oj̄n̄ə m̄än̄ p̄j̄ərt̄əw̄əl* 'кто поможет мне' (ОА III 568); Vj *r̄j̄t̄ k̄ō̄mn̄z r̄ək̄ət̄əst̄z* 'лодку волна перевернула' (КТ 130b).

Интересным образом в севернохантыйском тоже встречается такая конструкция: O *polaskop rus̄na pajart tall̄ll̄i* 'барка русские бревна тянет' (Русская 261); KO *śasem̄na man̄z n̄ōx̄att̄ət̄te* 'дедушка меня убаюкивает' (Русская 261).

Гуя на этом явлении строит синтаксическую типологию: по его мнению, в ваховском диалекте хантыйского языка имеются активные, пассивные и эргативные конструкции предложений (Gulya 1970; 1982; 1994). Ранее к такому же мнению пришел Баландин (1947; 1967), подтверждают это Хонти и Комри (Honti 1971; Comrie 1975). Что касается происхождения, трудно представить себе палеоазиатское влияние, как отмечают это и Катц, Хонти и Пустаи (Katz 1970 : 61; Honti 1971 : 436; Pusztay 1983), так как для ближайших соседних языков — кетского и других енисейских — этот способ маркирования не типичен, хотя несомненно в них наличествует (Успенский 1964; Вернер 1984 : 64). Среди палеоазиатских языков только чукотскому и эскимосским известен эргатив, но их носители находятся на таком значительном расстоянии от восточных хантов, что даже если предположить их более близкое друг к другу проживание в далеком прошлом, трудно все же представить себе ареальную синтаксическую или родственную связь между ними.

Однако мы считаем, что принципиальное закономерное различие между по-разному маркированными конструкциями отсутствует, именуемая эргативной категория представляет собой маркированное подлежащее (Harms 1967; 1977; 1981: маркировка фокуса), как на это указал Пустаи (среди других работ — Pusztay 1983). Посвященные эргативным языкам исследования (на-

пример, Plank 1979) свидетельствуют о наличии внутрисистемных различий между языками, использующими т.н. номинативную и эргативную конструкции. Для различения подлежащего и прямого дополнения применяются два способа: номинатив — аккузатив и эргатив — абсолютив. В языках первого типа подлежащее объектных и безобъектных предложений не маркировано, оно имеет форму номинатива, а прямое дополнение объектных предложений маркировано. Во втором типе конструкции подлежащее при переходном глаголе маркировано, имеет форму эргатива, в то время как дополнение не маркировано, имеет форму именуемого абсолютивом падежа, тогда как подлежащее при непереходном глаголе тоже не маркировано. В этом различии кроются важные внутрисистемные противоречия. На основе изложенного и имея в виду анализ, проделанный Кулонен (Kulonen 1989 : 297—302; 1991 : 201), мы тоже считаем рассматриваемую конструкцию эргативной.

Поскольку мы принимаем анализ происхождения эргативной конструкции, осуществленный де Гроот (de Groot 1983), который выводит эргативный способ маркировки из страдательной конструкции, то маркер подлежащего не может быть ничем иным как обско-угорским суффиксом локатива *-nVt*. Присовокупив сюда примеры из других финно-угорских и самодийских языков, можно предположить, что эта конструкция сохраняет, очевидно, некую еще уральскую особенность (весьма осторожно высказывается по этому поводу Ваха (Wacha 1991 : 619)). Возможно, прав Катц, когда он в прауральском видит язык эргативного типа (Katz 1981); добавим по крайней мере, что имеет смысл говорить в этой связи о морфологически маркированном подлежащем, относительно немаркированного подлежащего сохраним и традиционное толкование. Прахантыйскую синтагму можно представить в следующем виде:

древнехант. **NnVt N TV*.

Анализируя в представленных Катцем данных родственных языков (восточнохантыйские говоры, селькупский, венгерский, марийский, мордовские, финский) морфему **nVt* (у Катца **n*) как суффикс генитива — инструменталя — локатива, мы считаем вышеприведенную конструкцию сохранившейся древней чертой и возможной реконструкцией даже прауральского предложения.

4. Трехчленная конструкция

В обско-угорских языках имеется пара конструкций, которые легко взаимозаменяются, и поскольку это касается в одинаковой мере обоих языков, мы можем усмотреть в этом историческую взаимосвязанность конструкций, а также исторического фона морфологической маркированности их членов.

Анализируемые предложения представляют собой синтагму из четырех членов, в которой подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение и связывающий их (трехчленный, или дитранзитивный) глагол со значением 'дать, нести, брать, дарить и т.д.' образуют костяк: *Ob kaŋkəm oĵka wānka pūtəl tittite, šajal aĵtite* 'мой дядя Ваньку едой (котлом) кормит, чаем поит' (WT 152); *JkL šäŋkämən min konfjētkəl mästə* 'наша бабушка нам конфету дала' (WT 156); *C tənem tājəm tawà* 'мне топор принеси' (KV 46); *Trj mäntem kul mājlap̄təl* 'мне рыбу дает' (DEWOS 895); *V mänt läjmə majlas* 'мне топор подарил' (DEWOS 895); *Vj mä nōŋə majlätläläm mośnal'itə* 'я тебе кошелек дам' (HK 147).

По Кулонен, это преобразование объяснимо перестановкой косвенного дополнения (Kulonen 1990 : 52: *datiivinsiirtomekanismi*), косвенное допол-

нение в результате преобразования попадет в позицию прямого дополнения, последнее же обретает падежный суффикс инструменталю. Это столь характерно и для мансийского, и для хантыйского языков, что Кулонен видит здесь праобско-угорскую черту, не забывая при этом и о различии морфологических решений (Kulonen 1990 : 53). Добавим, что в старом венгерском языке тоже встречались такие конструкции, поэтому форму можно рассматривать как праугорскую синтагму, как уже давно заметил Кара (Kara 1911—1912 : 41).

В предложении, полученном в результате преобразования, объект действия в двух языках действительно маркируется с помощью разных морфологических средств. В мансийском используется для этого инструменталь с *l* (об этом см. Honti 1969 : 117). Примеры: N *ānēm nául' xul'tepti* 'мне мясо оставь' (МК 121b); LM *ām tāwām sail sārätilēm* 'я ей платок дарю' (МК 725a); K *āmnān jājk loḡal mājwəsəm* 'мне дали ледяную лошадь' (Кузакова 1985 : 56).

В севернохантыйском эту роль выполняет локатив с *n* (по мнению Кара: «особая синтагма с обстоятельством средства» — Kara 1911—1912 : 40): Kaz *ta tam ewi wōxnə masem* 'я этой девушке денег дал' (ОА I 57); Kaz *low tōrənḡ mije* 'дай лошади сена' (КТ 1024a).

В южном и сургутском диалектах хантыйского языка употребляется суффикс *at*: Kr *mānt tājāmāt təytz təwá* 'принеси мне топор' (KV 94); Sur *ma nuḡat mēlēm jēm sākāt, jēm jārnasat, jēm worepat* 'я дам тебе хорошую шубу, хорошую рубашку, хорошие брюки' (Терешкин 1974 : 71).

В ваховском и васюганском диалектах элемент *tə, t* указывает на роль определенной части предложения: V *mānt'noḡitə tus* 'мне мяса принес' (Терешкин 1958 : 328); VVj *mānt wikāt jantəs* 'мне плащ шьет' (Терешкин 1974 : 71).

Воспользовавшись опытом анализа хантыйских обстоятельственных синтагм, реконструируем для прахантыйского (на основе расхождении отдельных говоров) следующие структуры предложений:

прахант. * N NkVk Nt 2TV

прахант. * N N NnVt 2TV

прахант. * N N NVt 2TV

прахант. * N N NtVt 2TV

В обоих языках тем самым прямое дополнение в аккузативе приобрело падежный суффикс с функцией локатива-инструменталю. Относительно мансийского суффикса инструменталю *l* здесь уже отмечалось, что он связан с прауральским суффиксом локатива, в севернохантыйском инструменталь сохраняет связь с древним локативом — с локативом на *n* и *t*, но в южно- и восточнохантыйском элемент *t* в суффиксе *at* тоже присутствует, в ваховском и васюганском же формы с *t* также связаны с ним. Это совпадение не может быть случайным, речь идет о таких общих структурах, в которых просматриваются следы праобско-угорских связей.

5. Существительное с суффиксом локатива в роли сказуемого

В ходе синтагматического анализа мы встречаемся с такими конструкциями, которые имеют существительное с падежным суффиксом в роли сказуемого: N *paul iḡ jāmès ḡāsá* 'деревня еще очень далеко' (МК 110a); LM *ām äläšēm khāsät* 'мой капкан далеко' (МК 110b); Sal *kāt kōḡya kōrasnə* 'солнце еще высоко' (СВД 140); Vj *kälāḡsa čeka mustām tāḡjīnā* 'кладбище в очень красивом месте (расположено)' (НК 137).

Эта конструкция может быть представлена следующими формами:

древнеманс. * N NtVt

древнехант. * N NnVt,

но и здесь приходится преодолеть ряд трудностей, чтобы провести относительно приемлемый синтагматический анализ (синхронный анализ круга проблем проделала и весьма обстоятельно Лыскова — 1984; 1986; 1987а; 1987б; 1988). Возможно, эта синтагма возникла в результате трансформационной утраты глагольного сказуемого, если нет, то суффиксу локатива следует приписать такую функцию, которая сделает обстоятельство способным выполнять роль сказуемого. Это тоже довольно древняя конструкция, на что указывали многие авторы (Klemm 1927 : 399; Gombocz 1929 : 46, 47: «Именное предложение относится к древним особенностям венгерского и финно-угорских языков»; Löcsei 1930 : 343).

Конструкция употребляется и с обратным порядком слов: KM *jäftaraχ pārk̄t pāsān* 'у корня большого дерева стол (стоит)' (KL II 536); T *Tārēm-poyt šāt khuńš* 'на небосклоне сто звезд' (VNGy IV 404); O *mun tasewna sat kalaχ* 'в нашем стаде сто оленей' (Русская 261); Trj *kātñā neχi* 'в избушке светло' (DEWOS 990). Возможны следующие реконструкции:

древнеманс. * NtVt N

древнехант. * NnVt N.

Как видим, это обратный порядок слов относительно предыдущей конструкции.

Естественно, такая форма встречается и при глаголе-связке, в таком случае анализ синтагмы провести проще, ведь обстоятельство относится к глаголу-связке: N *tit vōr-uj χil' āli* 'здесь есть след зверя' (МК 90а); LM *jim-kwūl ālā ōli* 'деревянный дом близко' (МК 31b); Kaz *tam jōχanātñā ar χil wāl* 'в этих озерах много рыбы' (ОА IV 56); Kr *χujñā waχ ut* 'у мужчины деньги есть' (KV 67).

Грамматические заметки Карьялайнена содержат много интересных с точки зрения рассматриваемой темы форм, например: Trj *jay kātñat* 'люди в доме (есть)', но Trj *jay katñe wālāt* 'люди в комнате (есть)' (KV 265); Trj *ma kātñe* — *ma kātñ amšlām* 'я в доме (есть) — я в доме живу' (KV 266); Vj *ānpām katñe* 'моя собака в доме (есть)' (KV 171).

Для понимания синтагмы необходимо иметь в виду, что положение имен с падежным суффиксом в роли сказуемого и положение выступающих в роли определения существительных по происхождению связаны между собой, только путем изменения порядка слов они образуют, с одной стороны, предложение, с другой, синтагму, имеющую существительное в роли главного члена:

праоб.-уг. N Nсуфф.

праоб.-уг. Nсуфф. N.

О происхождении суффикса инструментал-комитатива здесь уже отмечалось, что он может выражать тесную принадлежность (сопутствие), но исконно он обозначал место (прауг. *nVt). В хантыйском языке эта черта проступает более четко: DN *mān jayem tājəm* — *mān jayemñāt tājəm* 'топор моего отца — у моего отца топор' (KV 17); DN *tāv payāt tayāt* — *tāv payātñāt tayāt* 'платок его сына — у его сына платок' (KV 17); DT *jayemñāt tājmət* 'у моего отца топоры' (KV 17). По мнению Хайду, генитивная функция этого падежного суффикса вторична.

Сравнительно-исторический анализ локативных синтагм значительно пополнит наши знания о лексике и морфологии обско-угорских языков, поскольку консерватизм употребления языка (предложения) в противовес раз-

рушающему влиянию звуковых изменений сохранил древние особенности синтаксиса этих языков.

Сокращения

БС — А. Н. Баландин, Самоучитель мансийского языка, Ленинград 1960; **МРС** — В. Н. Чернецов, И. Чернецова, Краткий мансийско-русский словарь с приложением грамматического очерка, Москва—Ленинград 1936; **ОФУЯ** — Основы финно-угорского языкознания I—III, Москва 1974—1976; **РМЯ** — Е. И. Ромбандеева, Мансийский (вогульский) язык, Москва 1973; **РСМ** — Е. И. Ромбандеева, Синтаксис мансийского (вогульского) языка, Москва 1979; **Русская** — Ю. Н. Русская, О некоторых особенностях падежной системы приуральского говора хантыйского языка. — Вопросы финно-угорского языкознания. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха, Москва—Ленинград 1962, 257—264; **СВД** — Н. И. Терешкин, Словарь восточнохантыйских диалектов, Ленинград 1981; **ТОД** — Н. И. Терешкин, Очерки диалектов хантыйского языка. Часть первая. Ваховский диалект, Ленинград 1961; **ТХЯ** — Н. И. Терешкин, Хантыйский язык. — Языки народов СССР III, Москва 1966, 319—342; **ЧМЯ** — В. Н. Чернецов, Мансийский (вогульский) язык. — Языки и письменность народов Севера I, Москва—Ленинград 1937, 163—192; **BUNY** — P. Hajdú, Bevezetés az uráli nyelvtudományba, Budapest 1966; **Castrén** — M. A. Castrén, Versuch einer ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Nordische Reisen und Forschungen 6, Sankt Petersburg 1858; **Cho** — L. Honti, Chrestomathia Ostiaca, Budapest 1984; **CompGr** — B. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Uppsala 1960; **FgrSprw** — J. Szinnyei, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Leipzig 1910; **GMR** — J. Gulya, A mondatszerkezetek rendszere a vahi osztjákban, Szeged 1994; **HK** — L. Honti, Vaszjugáni osztják szövegek. — NyK 84, 121—164; **HP** — L. Honti, J. Rusvai, Pimi osztják szövegek. — NyK 79, 223—232; **K** — M. Liimola, Zur historischen Formenlehre des Wogulischen I. Flexion der Nomina, Helsinki 1963 (MSFOu 127); **KL I—VI** — A. Kannisto, M. Liimola, Wogulische Volksdichtung I—VI, Helsinki 1951—1963 (MSFOu 101, 109, 111, 114, 116, 134); **KT** — K. F. Karjalainen, Ostjakisches Wörterbuch I—II. Bearbeitet und herausgegeben von Y. H. Toivonen, Helsinki 1948; **KV** — K. F. Karjalainen, Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten. Bearbeitet und herausgegeben von Edith Vértes, Helsinki 1964 (MSFOu 128); **KVI** — K. F. Karjalainen, Südostjakische Textsammlungen. Neu transkribiert, bearbeitet und herausgegeben von Edith Vértes, Band I, Helsinki 1975 (MSFOu 157); **M** — B. Munkácsi, A vogul nyelvjárások szorogzásukban ismertetve, Budapest 1894 (Ugor Füzetek 11); **MK** — B. Munkácsi, B. Kálman, Wogulisches Wörterbuch, Budapest 1986; **NO** — A. Ahlqvist, Über die Sprache der Nord-Ostjaken. Sprachtexte, Wörtersammlung und Grammatik, Helsingfors 1880; **NyH** — J. Szinnyei, Magyar nyelvhasználat, Budapest 1927; **OAI—IV** — W. Steinitz, Ostjakologische Arbeiten I—IV, Budapest 1976—1989; **OstjGr** — W. Steinitz, Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und Wörterverzeichnis, Leipzig 1950; **PF** — S. Patkanov, D. R. Fuchs, Laut- und Formenlehre der südostjakischen Dialekte auf Grund der Sammlungen von Serafim Patkanov, Budapest 1911; **PV** — H. Paasonen, Ostjakische grammatikalische Aufzeichnungen nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Bearbeitet, neu transkribiert und herausgegeben von Edith Vértes. — JSFOu 66, 3—96; **RÉO** — K. Rédei, Északi-osztják nyelvtan (NyÉrt. 31); **SH** — L. Honti, Beobachtungen über die Laut- und Formenlehre gegenwärtiger Surguter Mundarten des Ostjakischen. — ALHNG. 27, 271—286; **SSUS** — Symposion über Syntax der uralischen Sprachen, Göttingen 1970; **SzH** — L. Honti, A szalimi osztják nyelvjárás hang- és alaktanának ismertetése. — NyK 84, 91—119; **USL** — P. Hajdú, P. Domokos, Die uralischen Sprachen und Literaturen, Budapest 1987; **VOP** — E. Vértés, Die ostjakischen Pronomina, Budapest 1967.

ЛИТЕРАТУРА

Баландин А. Н. 1946, Падежи субъекта и объекта на службе номинативной и эргативной конструкции глагольного предложения в ваховском диалекте хантыйского языка. — Ученые записки Ленинградского государственного университета 105, 301—315.

- 1967, Обско-угорские конструкции глагольного предложения со "скрытым субъектом". — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград, 298—304.
- В е р н е р Г. К. 1984, Типология элементарного предложения в энисейских языках. — ВЯ 3, 58—67.
- Г у я Я. 1976а, Морфология мансийского языка. — ОФУЯ III, 279—303.
— 1976б, Морфология хантыйского языка. — ОФУЯ III, 303—332.
- К у з а к о в а Е. А. 1985, Глагол восточномансийского диалекта. — СФУ XXI, 49—57.
— 1989, Имя существительное в восточномансийском диалекте. — СФУ XXV, 248—255.
- Л ы с к о в а Н. А. 1984, Подлежащее, выраженное именем существительным, в обско-угорских языках (на материале северных диалектов хантыйского и мансийского языков). — Вопросы финно-угорской филологии, вып. 4, Ленинград, 61—80.
— 1986, Именное сказуемое в обско-угорском предложении. — СФУ XXII, 128—137.
— 1987а, Предикативная связь в обско-угорском предложении. — СФУ XXIII, 45—54.
— 1987б, Подлежащее в обско-угорском предложении. — СФУ XXIII, 186—191.
— 1988, Исследование синтаксиса финно-угорских языков. Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера СССР, Ленинград, 92—107.
- М а й т и н с к а я К. Е. 1974, Сравнительная морфология финно-угорских языков. — ОФУЯ I, 214—266.
— 1974, Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков. — ОФУЯ I, 388—396.
— 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
- Р о м б а н д е е в а Е. И. 1967, Пассивные конструкции в мансийском языке. — Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, Ленинград, 305—310.
- Т е р е ш к и н Н. И. 1958, О некоторых особенностях ваховского, сургутского и казымского диалектов хантыйского языка. — В помощь учителю школ Крайнего Севера, вып. 8, Ленинград, 319—330.
— 1974, Система склонения в диалектах обско-угорских языков. — Склонение в палеоазиатских и самодийских языках, Ленинград, 67—77.
- У с п е н с к и й Б. А. 1964, Замечания по типологии кетского языка. — Вопросы структуры языка, Москва, 148—156.
- Финно-волжская языковая общность, Москва 1989.
- Х в а т а й-М у х а К. Ф. 1954, Местно-творительный падеж в значении совместности в языке северных ханты (средне-обский и казымский диалекты). — Ученые записки. Ленинградский государский педагогический институт, вып. 101, 233—238.
- Ч е р е м и с и н а М. И., К о в г а н Е. В. 1989, Хантыйский глагол, Новосибирск.
- A l v r e, P. 1986, Zu den finnisch-ugrischen *l*-Kasus. — СФУ XXII, 81—87.
- A n d r e w s, A. 1985, The Major Functions of the Noun Phrase. — Shopen 1985 I, 62—154.
- B e k e Ö. 1905, A vogul határozók. — NyK 35, 71—100, 165—193.
— 1910, Még egyszer a vogul *-tal* ragról. — Nyr. 39, 179—180.
— 1915, Finnugor mondattani adalékok. — NyK 44, 1—34.
- B e r r á r, J. 1957, Magyar történeti mondattan, Budapest.
- C o m r i e, B. 1975, Subject and Direct Objects in Uralic Languages. A Functional Explanation of Case-Marking Systems. — Études finno-ougriennes 12, Paris, 5—17.
- F o k o s (Fuchs), D. R. 1910, A *-nott nól ni* ragok eredetéről. — Nyr. 39, 158—162.
- G o m b o c z, Z. 1929, Történeti magyar nyelvtan V. Mondattan. Dr. Gombocz Zoltán e.ny.r. tanár úr előadásai alapján összeállította Dr. Hegyi Károly középisk. tanár. Kiadja a Budapesti Bölcsésztanhallgatók "Árpád" Bajtársi Egyesülete.
- d e G r o o t, C. 1983, Verb Agreement and Ergativity in the Ugrian Languages. A Reconstruction. — Lingua 61, 209—230.
- G u l y a, J. 1970, Aktiv, Ergativ und Passiv im Vach-Ostjakischen. — SSUS, 80—89.
— 1982, Das Ergativproblem in den finnisch-ugrischen Sprachen. — UAJb. Neue Folge 2, 19—34.
- H a r m s, R. T. 1967, Az uráli-jukagír fókuszrendszer ugor megfelelői. — A magyar nyelv története és rendszere (NyÉrt. 58), 94—103.
— 1977, The Uralo-Yukaghir Focus System. A Problem in Remote Genetic Relationship. — Studies in Descriptive and Historical Linguistics. Festschrift for Winfred P. Lehmann, Amsterdam, 301—316.
— 1981, Uralic. — Encyclopaedia Britannica 18, 1022—1032.

- H ä k k i n e n, K. 1983, Suomen kielen vanhimhasta sanastosta ja sen tutkimuksesta, Turku.
- H o n t i, L. 1969, A tárgy jelölése a vogul nyelv tavdai nyelvjárásában. — NyK 71, 113—121.
- 1971, A cselekvő (logikai) alany alaktana az obi-ugor nyelvekben. — NyK 73, 430—440.
- 1975, System der paradigmatischen Suffixmorpheme des wogulischen Dialektes an der Tawda, Budapest.
- 1980, Kísérlet a pelimi vogul nyelvjárás ige- és főnévragozásának leírására. — NyK 82, 191—222.
- 1985, Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte des Wogulischen. — Dialectologia Uralica, Wiesbaden (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Band 20), 231—250.
- 1986, "Er soll mit Begrüssung geschrieben werden!" — Finnisch-ugrische Mitteilungen 10, 155—163.
- J a n h u n e n, J. 1982, On the Structure of Proto-Uralic. — FUF 44, 23—41.
- 1992, Uralic Languages. — Bright 1992, 205—210.
- K a r a, F. 1911—1912, Északi-osztják határozók. — NyK 41, 1—43, 145—181.
- K a t z, H. 1970, Lesefrüchte. — ALHung. 20, 59—62.
- 1981, Das Ururalische — eine Ergativsprache. — CUFU V, Pars VI, 383—400.
- K á l m á n, B. 1988, The History of Ob-Ugric Language. — The Uralic Languages. Description, History and Foreign Influences, Leiden, 395—412.
- K l e m m, A. 1927, A finnugor mondat őstörténete. — MNy 23, 328—341.
- K o r h o n e n, M. 1991, Remarks on the Structure and History of the Uralic Case System. — JSFOu 83, 163—180.
- K o r o m p a y, K. 1991, A névszóragozás. — A magyar nyelv történeti nyelvtana I. A korai ómagyar kor és előzményei, Budapest, 284—318.
- K ö v e s i M. A. 1966, Ősi határozóragjaink történetéhez. — NyK 68, 225—247.
- K u l o n e n - K o r h o n e n, U. 1985, A perspektíva és vogul szenvedő szerkezet. — NyK 87, 217—224.
- 1986, On the Function of the Passiv Suffix **-we* in Vogul and Finnish. — FUF 47, 223—229.
- 1989, The Passive in Ob-Ugrian, Helsinki (MSFOu 203).
- 1990, Obiugrilaisten kielten syntaksin yhtäläisyyksistä. — Vir., 49—56.
- 1991, Über die ergativischen Konstruktionen im Ostostjakischen. — JSFOu 83, 181—201.
- 1993, Johdatus unkarin kielen historiaan, Helsinki.
- L a k ó, Gy. 1991, A magyar mondat szerkezet finnugor sajátosságai, Pécs.
- L i i m o l a, M. 1963, Zur historischen Formenlehre des Wogulischen I. Flexion der Nomina, Helsinki (MSFOu 127).
- 1971, Zur Kasuslehre der Vach- und Vasjugan-Mundart der ostjakischen Sprache. — JSFOu 71, 1—24.
- L ő c s e i, A. 1930, Északi-vogul mondattani kérdések. — NyK 47, 301—308, 321—364.
- M é s z ö l y, G. 1930, A vogul *vuil* névutónak és változatainak eredete. — Nyr 59, 77—80.
- 1933, Der gemeinsame Ursprung der Instrum.-Komit.-Suffixe und ung. *-val, -vel*, wog. *-l* und ostj. *-at*. — FUF 21, 56—73.
- P l a n k, F. 1979, Ergativity, Syntactic Typology and Universal Grammar: Some Past and Present Viewpoints. — Ergativity, London, 3—36.
- P u s z t a y, J. 1983, Areális nyelvi kapcsolatok Szibériában (Egyezések az uráli és a paleoszi-bériai nyelvek névszói tartományában). — Areális nyelvészeti tanulmányok, Budapest, 234—344.
- R é d e i, K. 1988, Adalékok a vogul nyelv történeti alaktanához. — Urálistikai Tanulmányok, Budapest, 323—330.
- R i e s e, T. 1992, Zur Entwicklung des Kasussystems im Wogulischen. — Festschrift für Károly Rédei zum 60. Geburtstag. Emlékkönyv Rédei Károly 60. születésnapjára, Wien—Budapest, 379—388.
- B. S z é k e l y, G. 1994, Néhány határozószavunk *l*-jének finnugor háttéréről. — A lexikológia és a lexikográfia elmélete és módszertana (előadásvázlatok). A magyar nyelvészek VI. nemzetközi kongresszusa, Eger, 1994. augusztus 23—26, Eger, 6.
- V é r t e s, E. 1959, Beiträge zur Frage des bezeichneten Akkusativobjektes im äussersten Osten des ostjakischen Sprachgebietes. — UAJb. 31, 486—490.
- W a c h a, B. 1991, A mondat szórendje és aktuális tagolása. — A magyar nyelv történeti nyelvtana I. A korai ómagyar kor és előzményei, Budapest, 618—631.

GÁBOR B. SZÉKELY (Pécs)

ZUR ANALYSE EINIGER OBUGRISCHER,
DIE LOKALITÄT ANZEIGENDER KASUSSYNTAGMEN

Im Artikel werden obugrische, die Lokalität anzeigende Kasussyntagmen untersucht, die mit ein Lokativ- oder Instrumentalsuffix aufweisenden Konstruktionen zum Ausdruck gebracht werden. In diesem Zusammenhang werden transitive und ergative Konstruktionen sowie nominalprädikative Konstruktionen mit Lokativsuffix behandelt. Der Autor benutzt die historisch-vergleichende Methode. Mit Hilfe dieser Analyse wird unser Wissen über die Lexik und Morphologie der obugrischen Sprachen wesentlich erweitert, denn die Konservativität in der Benutzung der Sprache hat als Gegengewicht zum zerstörenden Einfluß der Lautveränderungen die altertümlichen Besonderheiten der Syntax dieser Sprachen erhalten.